

Mitrofan (Jurczuk)

Единство православной церкви в мире

Elpis 11/19-20, 13-26

2009

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Архиепископ Митрофан

ЕДИНСТВО ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В МИРЕ

Юрисдикционные проблемы

Единство Православных Церквей – это единство братьев, которые живут в разных концах земли, но не забыли о собственном родстве. Христос послал своих учеников для проповеди Евангелия, не назначив никого из них главным или начальствующим над остальными, хотя у Него был и брат по плоти (апостол Иаков, первый епископ Иерусалимский), и любимый ученик (апостол Иоанн Богослов). Каждый из апостолов получил себе в жребий особую область – не для почестей или прибыли, но для проповеди и свидетельства об Истине даже до смерти.

В полном соответствии с этим духом братской любви и соучастия в общем деле спасения Православная Церковь на Вселенских Соборах установила четкие правила, которыми должны руководствоваться предстоятели Поместных Церквей. Так, второе правило II Вселенского Собора гласит: „Областные епископы да не простирают своя власти на церкви за пределами своя области и да не смешивают церквей...» Третье правило этого же Собора говорит о “первенстве чести”, которое имеет Константинопольский предстоятель в православном мире (после римского епископа, впоследствии отпавшего от Вселенского Православия), – первенстве чести, но не первенстве власти. 36-е правило V–VI Трулльского Собора устанавливает “порядок

чести” первых четырех Патриархатов: Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского – на основании которого складывается и пополняется диптих Поместных Церквей. Святые каноны и правила церковные устанавливают совершенно особый характер отношений внутри православного мира, в духе, исполненном христианской любви и взаимоуважения.

Хорошо известно, что единство Православной Церкви – это, прежде всего, единство в Православной вере или, иными словами, единство в полноте Богооткровенной Истины, единство в воплощенной Ипостасной Истине (см. Ин. 14:6), т. е. в Господе нашем Иисусе Христе, Который есть Основатель и Глава Церкви, а она – Его Тело (см. Еф. 1:22-23; 4:15; Кол. 1:18). Членами сего Тела являются все верующие в Святую Троицу и в Богочеловека, Спасителя нашего Иисуса Христа и крещенные православно во имя Троиединого Бога.

Как Тело Христово Православная Церковь неделима, непобедима и непогрешима в „правильном и спасительном исповедании Веры”. Возможно, однако, отдельным православным христианам и даже целым Поместным Церквям изменить Православной Истине и отпасть от Вселенской Церкви, как это случилось некогда с Поместной Православной Церковью на Западе. Возможны, также и разделения среди православных, в Церкви могут появиться “споры”, как пишет Апостол Павел в своем послании коринфским христианам (1 Кор. 1:10-14). В таких случаях критерием истины являются догматы и каноны Вселенской Православной Церкви или, по словам св. Викентия Леринского (ум. ок. 450 г.) “то, во что везде, во что всегда, во что все верят”.

Единство – одно из сущностных свойств Церкви. По учению святого апостола Павла, Церковь есть тело Христово, членом которого является каждый христианин: «Вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12:27). Члены единого Христова тела скреплены единой верой и Крещением (Еф. 4:5), соединены друг с другом любовью по образу взаимной любви Трех Лиц Бо-

жественной и Живоначальной Троицы. Православное исповедание веры во Святую Троицу требует от каждого христианина подвижнических усилий, направленных на сохранение драгоценного дара единства, простирающегося поверх всевозможных границ, политических разделений, всех вообще человеческих различий.

“Таинство единства” и союз неразрывного согласия”, о которых говорит священномученик Киприан Карфагенский, должны быть бережно хранимы. С утратой единства Церкви утрачивается и истинная вера. “Можно ли думать тому, кто не придерживается этого единства Церкви, что он хранит веру? – вопрошает священномученик. – Можно ли надеяться тому, кто противится и поступает наперекор Церкви, что он находится в Церкви?”. Церковное единство в мире, полном разделений, подвергается различным угрозам, происходящим от зависти врага спасения человеческих душ. О реальности этих угроз свидетельствует история Православной Церкви, в особенности на протяжении пережитого ею в XX столетии периода тяжких бедствий в жизни народа, когда братоубийственное восстание стало причиной гибели миллионов наших сограждан, а лютость безбожных гонителей привела к кончине за имя Христово великого сонма новомучеников. Опыт, пережитый во времена гонений и последующего церковного возрождения, научил, принимая во внимание политические реальности и интересы различных государств, где Православная Церковь совершает свое служение, в то же время занимать самостоятельную позицию по актуальным вопросам общественной жизни, обусловленную нормами и ценностями церковной традиции, а не сиюминутными политическими задачами.

Практика канонических структур Церкви предполагает ответственность свободы, направленную против индивидуальных или коллективных эгоистических устремлений. Настоящая церковная свобода не превращает автономию в самодостаточность или автаркию. Она не превращает братскую помощь

в господство над другими, а силу любви – в любовь к силе. Эта церковная свобода является результатом духовной зрелости, постоянных усилий, направленных на освящение жизни, прежде всего посредством молитвы и осуществления заповеди о братской любви.

Мы знаем теоретически, что такое нормативное сакраментальное и каноническое единство Церкви, но у нас не всегда хватает сил, чтобы сохранять и взращивать его. Это, возможно, объясняет, почему Господь Иисус Христос говорит в Своей молитве, предшествующей Его страданиям и Распятию, именно о единстве Церкви, зная, как трудно сохранить общение любви в мире, глубоко разделенном грехом, в мире, где отсутствует любовь и искажается истина. Поэтому основанием и главным залогом единства Церкви является ее глава – Господь наш Иисус Христос.

Единство Церкви является одним из атрибутов или признаков Церкви, о котором говорится в Символе православной веры: “Верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь”. Понимание единства Церкви, его реализации и проявления на уровне конкретной церковной жизни представляет собой постоянную проблему богословского, духовного, а также пастырско-миссионерского характера. Восстановление христианского единства после многих веков расколов и разделений и убедительное выражение единства Церкви на местном и все-ленском уровнях также представляют собой один из важнейших вопросов богословского и пастырско-миссионерского характера, особенно в обществе, где возрастает дух плюрализма, секуляризации, где появляется все больше разделений в духовной сфере.

В эмпирической действительности единство и полнота Церкви Божией выражается во множественности местных церквей, из которых каждая выявляет не часть, а всю полноту Церкви Божией. Поэтому множественность местных церквей в эмпирической действительности сохраняет единство и пол-

ноту Церкви, т. е. ее кафоличность. Единство самой местной церкви выражается в ее едином Евхаристическом собрании. Церковь едина, потому что она имеет единое Евхаристическое собрание, на которое собирается народ Божий... Как множественность Евхаристии во времени не разделяет единого тела Христова, так как Христос и вчера, и сегодня, и во веки один и тот же, так и множественность Евхаристических собраний не разрушает единства Церкви Божией, так как и в пространстве, и во времени Евхаристическое собрание остается одним и тем же. Для первохристианского сознания единство Церкви реально переживалось, а не было только догматическим утверждением, не находящим своего выражения в жизни. Сколько ни росло число местных церквей, единство Церкви и полнота были не в совокупности местных церквей, не в их конфедерации, которой никогда не существовало, а в каждой местной церкви.

Будучи единой во всей своей полноте, Церковь остается всегда внутренне универсальной, так как каждая местная церковь содержит в себе все остальные местные церкви. То, что совершается в одной церкви, совершается во всех остальных, так как все совершается в Церкви Божьей во Христе. В силу этой кафолически-универсальной природы местным церквам изначально были совершенно чужды замкнутость и провинциализм. Ни одна церковь не может отделить себя от другой или других, т. к. она не может отделить себя от Христа. Все соединены между собою в любви.

В административном плане Вселенская Церковь состоит из отдельных Поместных Церквей, которые, в свою очередь, включают в себя епископии (епархии), а епархии – приходы. Существуют и иные единицы административно-территориального деления Церкви: самоуправляемые Церкви, Экзархаты, митрополичьи округа. Такая структура Церкви сложилась в течение первых столетий ее истории, и с тех пор в основе своей она остается неизменной.

Административное деление Церкви строится на территориальном, а не национальном принципе. В нормальных условиях православные христиане любой национальности, проживающие на одной территории, составляют один приход и окормляются одним епархиальным епископом, ибо, по слову Апостола Павла, во Христе “нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного” (Кол. 3:11). Как сказано, правда, в 34-м Апостольском правиле, “епископам всякого народа подобает знати первого в них...” – однако исторический контекст совершенно однозначно говорит о том, что под «народом» в каноне подразумевается территория, занятая тем или иным народом. Провинции Римской империи составили земли, населенные племенами, подвергшимися впоследствии эллинизации или латинизации. В названиях провинций сохранилась память о населявших их некогда народах: Дакия, Галатия, Фракия, Нумидия. Попытки поставить в качестве принципа церковной организации, в частности, в определении сферы юрисдикции Поместной Церкви не территориальный, а этнический или языковой фактор, неоднократно предпринимавшиеся в истории, канонически неправомерны и всегда вызвали серьезные осложнения и нестроения. Константинопольский Собор 1872 года справедливо осудил этнофилетизм как посягательство на канонический церковный строй.

В своем территориальном размежевании Поместные Церкви соотносятся с политико-административным делением, с государственными и административными границами. Помимо очевидных удобств, этот принцип находит косвенное обоснование в самих канонах. Так, 38-е правило Трулльского Собора гласит: «Аще царскою властью вновь устроен или впредь устроен будет град, то гражданским и земским распределениям да следует и распределение церковных дел».

Территориальное начало в разграничении церковной юрисдикции допускает и исключения, которые по сути своей в известном смысле аналогичны понятию экстерриториальности

в международном праве. Так, в древности главы одних Поместных Церквей для поддержания постоянного общения с другими Церквами направляли к их митрополитам, экзархам или Патриархам своих представителей – апокрисиариев. Монастыри, в которых пребывали апокрисиарии, находились в канонической власти той Церкви, которая их направила. Эти монастыри назывались метохами, или подворьями. В эпоху турецкого ига Восточные Патриархаты учреждали свои подворья при других Церквах, особенно много – в России, для сбора милостыни.

Другим отступлением от территориального начала в разграничении юрисдикции является право Патриаршей ставропигии. Слово «ставропигия» происходит от греческих слов ставрос (крест) и пиго (водружать). Водружение креста епископом при основании церкви или монастыря является символом их канонической зависимости от него. Право Патриаршей ставропигии заключается в том, что Патриарх может водрузить крест и при устройении монастыря или церкви вне пределов своей епархии, включив их, тем самым, в свою непосредственную юрисдикцию. В России в синодальную эпоху правом ставропигии пользовался Святейший Синод.

В византийскую эпоху Константинопольские Патриархи подчиняли своей юрисдикции целые епископии, находящиеся в пределах иных митрополичьих областей. Такие епископии именовались автокефальными архиепископиями; под автокефальностью подразумевалась их независимость от местного митрополита, а не то, что мы ныне связываем с понятием автокефалии.

Уникальным событием в истории Церкви было переселение в VII веке, во время нашествия арабов, Кипрской Церкви на территорию Константинопольского Патриархата в Геллеспонт. Кипрская Церковь и в Геллеспонте сохранила свою автокефалию.

Наиболее серьезным отступлением от территориального начала в разграничении церковной юрисдикции является диа-

спора. В странах, где православные христиане живут не компактной массой, а рассеяны между инославными или иноверцами, на одной территории могут существовать приходы и даже епархии разных Церквей. Как известно, в XX веке, когда православная диаспора в Америке и Западной Европе многократно возросла как вследствие переселения православных, так и в результате присоединения к Православию инославных христиан, в этих странах возник ряд исторически обусловленных проблем в размежевании церковной юрисдикции.

Константинопольский Патриарх выдвинул учение об особых правах Вселенского Престола и в связи с этим – о подчинении ему всей диаспоры Западной Европы и Америки. Такая точка зрения сегодня разделяется всеми Православными Церквями. Издревле в жизни Церкви соблюдалась следующая норма: Церковь, обратившая в христианство нехристианский народ или возвратившая в Православие еретическую или раскольничью общину на территории, не входящей в состав ни одной Поместной Церкви, становится для новооснованной Церкви Церковью-Матерью, кириархальной Церковью.

Территория православной диаспоры может находиться в юрисдикции разных Поместных Церквей, как это ныне и имеет место в Западной Европе и в Америке. Подобная ситуация носит временный характер. Устроение и развитие нормальной церковной жизни в названных странах должно, в конце концов, привести к образованию новых автономных или автокефальных Церквей, но пока этого нет, вопрос о размежевании юрисдикции остается сложным, вызывает разногласия и споры. При разрешении подобных споров между автокефальными, независимыми друг от друга Церквями, следует учитывать ряд обстоятельств: в 132-м (118-м) правиле Карфагенского Собора названы два из них – территориальная близость и воля самого церковного народа. При территориальном размежевании диаспоры определенное значение имеет и этнический принцип, но значение его ограничено рамками именно диаспоры.

В настоящее время Вселенская Церковь состоит из 15 автокефальных Поместных Церквей. Значение термина “автокефалия” в истории Церкви менялось. “Автокефальными” в византийскую эпоху назывались епархии, не зависящие от местного митрополита и непосредственно подчиненные Патриаршей юрисдикции. В греческой канонической и церковно-исторической литературе до сих пор различают статус четырех древних Патриархатов, с одной стороны, и остальных автокефальных Церквей, с другой; которые, хотя и признаются вполне самостоятельными, но, тем не менее, не поставляются в один ряд с древними Восточными Патриархатами. Однако такое различие Поместных Церквей по статусу лишено разумных канонических оснований.

Автокефальной следует считать Поместную Церковь, вполне самостоятельную, не зависящую ни от какой иной Поместной Церкви, хотя все автокефальные Церкви, являясь в известном отношении частями Церкви Вселенской, взаимозависимы, и потому сопоставление церковной автокефалии с государственным суверенитетом, которое проводится отдельными авторами, может иметь лишь ограниченное значение. Все автокефальные Церкви равноправны, хотя и занимают разные места в диптихе, при этом, однако, речь идет только о преимуществе чести одной из Церквей перед другой, но не о различии в правах.

Факторами, дающими основание для учреждения новой автокефальной Церкви, могут быть полная или частичная политическая самостоятельность территории, на которой предполагается образовать автокефальную Церковь, ее географическая отдаленность, этническое и языковое отличие региона от основной территории Церкви кириархальной, но эти факторы сами по себе недостаточны для автокефализации. Совершенно необходимым условием учреждения автокефалии является стремление к автокефалии церковного народа, духовенства и епископата соответствующей церковной области, причем, значительного большинства на всех этих уровнях, а решение о даровании автокефалии принимается высшей властью кириархальной Церкви.

Самостоятельность автокефальных Церквей носит, разумеется, ограниченный характер, проявляясь только относительно других Поместных Церквей, но отнюдь не Вселенской Церкви, частью которой они являются. Поэтому не может быть и речи о самостоятельности отдельной Поместной Церкви в области вероучения, которое хранится Вселенской Церковью неизменным (37-е Апост. прав.; 2-е прав. Трулл. Соб.). Всякое расхождение с истиной, хранимой всей Церковью, влечет за собой отпадение от Вселенской Церкви. Все Поместные Церкви соблюдают святыне каноны, применяя их к местным условиям. В области богослужения самостоятельность автокефальных Церквей ограничена обязательным соответствием богослужения единому догматическому учению.

Вопрос о праве на автокефалию и в наше время продолжает оставаться острым и сложным. Вокруг него возникали в прошлом и имеют место до сих пор споры, которые часто приобретают болезненный характер, ведут к нестроениям и даже разделением, вплоть до разрыва канонического общения. Для выяснения канонически бесспорных критериев автокефалии прежде всего необходимо осветить вопрос о праве учреждать самостоятельную Церковь или даровать автокефалию. Принцип: никто не может дать другому больше прав, чем имеет сам, – юридическая и каноническая аксиома. Поэтому основать новую автокефальную Церковь может либо епископат Вселенской Церкви на Вселенском Соборе, либо высшая власть Церкви киирархальной.

Но поскольку Вселенские Соборы и в древности были событиями исключительными, и вот уже более тысячи лет не созываются, обычно вопрос о новой автокефалии или упразднении старой решается епископатом Поместных Церквей, компетенция которого, в отличие от вселенского епископата, распространяется лишь на пределы своей Церкви. При этом волю поместного епископата может выражать как полный Собор, так и, в ис-

ключительных случаях, малый собор епископов – Синод (19-е прав. Всел. Соб.; 8-е прав. Трулл. Соб.; 20-е прав. Ант. Соб.).

Власть поместного епископата распространяется лишь на пределы Поместной Церкви. Если этот принцип не соблюдается какой-либо Поместной Православной Церковью, то она становится источником серьезных внутривославных конфликтов. Поэтому канонически несостоятельны действия Константинопольского Патриархата, совершавшиеся некоторыми его Предстоятелями, начиная с Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса), который в 1922 году провозгласил доктрину о праве Константинопольского Патриархата на исключительную юрисдикцию на всю православную диаспору. Это означало распространение юрисдикции Константинопольского Патриархата на епархии, приходы, монастыри и миссии, возникшие в результате миссионерского служения иных Поместных Церквей в диаспоре. Патриарх Мелетий IV распространил свои претензии на юрисдикцию даже на епархии, расположенные на исторически сложившейся единой канонической территории Русской Церкви, оказавшиеся в результате событий 1917 года в новообразованных государствах: Польше, Финляндии, Латвии и Эстонии. Константинопольский Патриархат пошел тогда навстречу политическим интересам правительств этих государств, которые побуждали местное священноначалие просить Константинопольского Патриарха о принятии их в свою юрисдикцию.

30 мая 1931 года Константинопольский Патриарх Фотий II, доказывая право подчинить себе сербские епархии, находящиеся за пределами Югославии, писал Патриарху Сербскому Варнаве: “Все православные церковные общины и колонии, находящиеся в диаспоре и вне границ православных автокефальных Церквей какой бы то ни было народности, должны в церковном отношении быть подчинены Святейшему Патриаршему Престолу”. В обоснование этой странной доктрины Константинопольский Патриарх ссылается на 28-е правило Халкидонского Собора,

в котором зафиксированы пределы юрисдикции престола Нового Рима: "...только митрополиты областей Понтийския, Асийския и Фракийския, и также епископы у иноплеменников вышереченных областей, да поставляются от вышереченного святейшаго престола Святейшия Константинопольския Церкви...". Какое отношение имеют православные общины Западной Европы к иноплеменникам вышеназванных областей – объяснить более чем затруднительно. За всем этим стоит каноническая и географическая несообразность.

Сегодня, как и во все времена, одним из главных вызовов Святому Православию является разномыслие в Церкви по различным вопросам церковной жизни. Оно может обратиться в орудие против Церкви Христовой, раздирая ее на части, а может побудить к более глубокому осознанию и переживанию церковного единства. Святой апостол Павел свидетельствует: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19).

К разделению ведет навязывание отдельной личностью или группой лиц своего частного мнения всем другим членам Церкви. При этом несогласные обвиняются в измене Православию и отступлении от спасительной Истины. Таким путем шли все еретики и раскольники, ибо они высокомерно полагали, что Дух Святой говорит только их устами, а не через соборную Полноту Церкви.

Все эти проблемы, о которых было сказано выше, в той или иной степени присутствуют в церковной жизни на Украине.

На волне получения политической независимости, возрождения национального самосознания была предпринята попытка провозглашения и церковной независимости. Эту идею начали настойчиво воплощать в жизнь некоторые политики, которые в прошлом не только не были верующими людьми, но и открыто преследовали Церковь. К сожалению, они нашли поддержку в лице тогдашнего митрополита Киевского и всея Украины Филарета.

Как показали дальнейшие события, все это привело к расколу Украинского Православия, который является наибольшей проблемой и в современной церковной жизни на Украине.

В результате Украинское Православие приобрело настоящий вид: самой большой конфессией в Украине ныне является Украинская Православная Церковь, которую возглавляет Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Владимир. На сегодняшний день она начисливает 11,5 тыс. приходов во всех 25 областях Украины.

Существует и две основные раскольнические группировки: так называемая «УПЦ-КП» (начисливает около 3 тысяч приходов в основном в Западных регионах Украины) и т.н. «УАПЦ» (ок. 700 приходов).

Такое положение вещей не служит благу Православия на Украине. Часто возникающие конфликты вокруг церковного имущества, храмов, вносят дух противостояния в обществе, разделяя тем самым единомыслителей и единокровных братьев и сестер.

Преодоление разномыслия невозможно, когда происходит нагнетание подозрений и недоверия среди членов Церкви. К этому неминуемо приводят оскорбления и ложные обвинения, которые сеют отчуждение среди верующих и угашают дух любви, а без него, как известно из слов святого апостола Павла, все остальные дары не имеют значения (1 Кор. 13:1). Церковное единство также серьезно подрывается распространением ложных слухов, непроверенной информации, а тем более клеветы.

Напротив, единство Церкви поддерживается хранением благочестия и добродетельной жизнью, венцом которой является любовь. Как писал святитель Фотий, патриарх Константинопольский, «в любви сходятся разделившиеся, и примиряются борющиеся, и все более сближаются родные, и нет места бунтам и зависти».

Единство также создается благодаря поддержанию благочиния в Церкви. Как наставляет святой апостол Павел, «всё

должно быть благопристойно и чинно» (1 Кор. 14:40). Поэтому главным руководством в Церкви Божией являются святые каноны и дисциплинарные нормы, вытекающие из присяги священнослужителя. Их нарушение провоцирует церковные нестроения и расколы.

Необходимо в полной мере использовать возможности, предоставляемые соборным устроением церковной жизни, – Архиерейские Соборы и Священный Синод – для преодоления разногласий и обсуждения вопросов, волнующих совесть верующих. Важную вспомогательную роль в обеспечении работы этих церковных органов могут играть конференции и круглые столы по внутрицерковным проблемам и ведение дискуссий в православных средствах массовой информации. Следует уделить внимание формированию интеллектуальной культуры и нравственного климата церковных дискуссий по различным проблемам.

Верим, что наша Святая Церковь, прошедшая путем мученичества и исповедничества, имеет в себе силы и далее хранить богозаповеданное единство, преодолевая трудности, соблазны и искушения, которые встречаются на ее пути.